

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛЕССИНГ

Первоначальная редакция VII главы «Лессинга»

Новому периоду в литературной деятельности Лессинга соответствовало изменение характера и частной его жизни. До сих пор он был скитальцем, и едва основавшись в одном городе, уже переезжал в другой, чтобы опять также покинуть его. Из Лейпцига переселялся он в Берлин, из Берлина в Виттенберг, из Виттенберга опять в Берлин, из Берлина в Бреславль, потом опять в Берлин, потом в Гамбург. Но переселившись из Гамбурга в Вольфенбюттель, он становится оседлым человеком и живет в этом городе около одиннадцати лет, до самой своей смерти. Оседлость эта не была следствием довольства Вольфенбюттелем: напротив, он постоянно жаловался на положение своих дел и отношений с людьми в прежней столице герцогов брауншвейгских, да и в самом Брауншвейге, который очень часто посещал он, по близости его от Вольфенбюттеля. Не была она и следствием неподвижности, которая начинает овладевать человеком, достигшим пожилого возраста: несмотря на то, что, поселясь в Вольфенбюттеле, Лессинг был уже немолод (в 1770 ему исполнилось сорок один год), он до последних двух-трех лет своей жизни сохранял всю прежнюю пылкость характера в частной жизни (как писателю она не изменила ему и на смертном одре) и постоянно порывался переселиться из Вольфенбюттеля, то в Маннгейм, то в Вену. Но теперь он уже не мог так беззаботно, как прежде, бросать все, что имел или надеялся иметь, чтобы совершенно вновь, «с ничего» начинать жизнь в новых отношениях. Прежде, совершенно одинокий, он мог поступать подобно своему дервишу Аль-Хафи (в «Натане Мудром»), который без котомки, за плечами, с одним посохом в руках, идет с Иордана на Гангес. Теперь он должен был действовать расчетливее, потому что, теряя положение, отсрочивал бы время своей свадьбы с женщиной, которую нежно любил, которую уважал более, нежели кого-либо из людей, встречавшихся ему в жизни, и которая была вполне достойна этих чувств. И при всем возможном благоразумии слишком надолго стесненные обстоятельства Лессинга и запущенные дела г-жи Кениг отсрочивали эту свадьбу: семь лет прошло прежде, нежели он достиг возможности устроиться для семейной жизни, она могла отдать ему свою руку, не нарушая своих обязанностей к детям от первого брака. Отношения к невесте много изменяют прежний образ действий Лессинга. Никогда никто не имел влияния на его поступки, не только не спрашивал, но и не слушался он ничьего совета, как ему поступить в том или ином деле. Но г-жа Кениг имела на его поступки решительное влияние: он слу-

стался ее, потому что она совершенно понимала его характер и одна из всех его друзей смотрела на вещи точно теми же глазами, как и он, но с большим житейским благоразумием, нежели он; признавая ее превосходство в практическом такте, он слушался ее, будучи уверен, что она не посоветует ему ничего несогласного с его правилами, как то делали другие, не имевшие того чрезвычайно щекотливого чувства благородной гордости, каким отличался он. Подчиняясь влиянию своей невесты, Лессинг, со времени переселения в Вольфенбюттель, поступал в своих отношениях с людьми благоразумнее прежнего. Но, конечно, это не привело ни к каким особнным успехам в житейских делах: гордому бедняку не поможет возвыситься никакое благоразумие, он должен быть доволен и тем, если оно предохраняет его от некоторых из числа многих неприятностей. Жизнь в Вольфенбюттеле была для Лессинга несколько спокойнее, благодаря влиянию г-жи Кениг, но его положение все-таки не могло назваться завидным, — это ясно уже из того, что целые семь лет не мог он устроиться так, чтобы жениться на нежно любимой невесте.

Само собою разумеется, что нежная любовь Лессинга и г-жи Кениг не имела никакого бурного или идиллического оттенка. Человек с такою нормальною нравственною организациею, как Лессинг, разумеется, не был в сорок лет похож на Ромео, да и г-жа Кениг, вдова лет тридцати, была бы плохую Джульеттою. Привязанность их друг к другу имела характер, какой должно иметь взаимное расположение ч людей их лет без романтической сентиментальности (которой не терпел Лессинг и в молодости), но она была очень сильна. В их переписке нет ничего похожего на нежничанье — они даже не говорят друг другу «ты», — но зато господствует совершенное доверие и безграничное уважение друг к другу. О любви нет ни слова; содержание и тон писем вообще таковы, как между старыми друзьями, которым нет ни нужды, ни охоты уверять друг друга в своих чувствах — речь идет о делах, предположениях, надеждах, важных и мелочных событиях жизни.

Со своею будущею женою Лессинг познакомился в Гамбурге. Тогда еще жив был первый ее муж, купец Кениг, торговавший шелком и имевший шелковую фабрику. Это был человек образованный; в доме его собирались замечательнейшие литераторы и ученые Гамбурга. Лессинг скою подружился с ним и сделался домашним человеком в его семействе. Уезжая по торговым делам из Гамбурга, Кениг поручал свою семью особным заботам Лессинга. В Венеции он внезапно умер, и Лессинг принял на себя хлопоты по делам, расстроенным смертью главы семейства. Заботливость его о сиротах более всего расположила к нему вдову, которая была чрезвычайно нежною матерью, общие заботы все теснее сближали вдову с ним, и когда Лессинг уехал в Виттенберг, он увидел, что дороже всего в Гамбурге была ему г-жа Кениг. Через несколько времени он приехал в Гамбург, чтобы сказать ей о своих чувствах и узнал, что она также расположена к нему. Они положили вступить в брак, — но у каждого были свои препятствия. Лессинг не решался соединить судьбу любимой женщины с своею, пока его положение в жизни не будет упрочено; она не хотела запутывать его в свои дела, расстроенные после смерти первого мужа, пока не приведет их в порядок и не обеспечит участи своих детей так, чтобы они не могли быть обременением для вдовы. Каждый из них находил препятствие, смущавшее деликатность другого, слишком ничтожным для своего расположения к нему; г-жа Кениг говорила, что бедность Лессинга не остановит ее, Лессинг говорил, что дети г-жи Кениг не могут никогда показаться ему обременением, — но ни он, ни она не хотели отказаться от своей решимости не быть обременением для другого и понимали, что каждый из них прав в своей деликатности, и свадьба все отсрочивалась и отсрочивалась, пока, наконец, не были с обеих сторон побеждены все затруднения. Они редко — всего три-четыре раза виделись в это время, но постоянно их мысли были заняты самою трогательною заботливостью друг о друге.

Записки об ужении рыбы. С. Аксакова. Издание третье, с политипажами и примечаниями К. Ф. Рулье. Москва. 1855.

Замечания московского охотника на ружейную охоту с лягавою собакою. Н. Основского. Издание второе, дополненное лечебником для собак. Москва. 1857.

С легкой руки С. Т. Аксакова читающая публика полюбила сочинения об охоте, и у нас в короткое время образовалась своя дельная литература по этому предмету. Одни сочинения, как книга В. Вакселя, о которой мы своевременно отдали отчет¹, говорят об охоте вообще, другие об охоте в данной местности. Деятелями на поприще последней явились господа Аксаков и Основский. Труды двух последних напечатаны ныне новыми изданиями и пополнены специалистом в изучении животных, К. Ф. Рулье. Значит, есть в них и научный интерес, который, конечно, увеличивается самими примечаниями. Первое издание обоих сочинений оценено уже публикою, и потому нам нет надобности говорить об них подробней, — скажем только, что оба труда пополнены новыми статьями. «Записки об ужении» — статьей К. Ф. Рулье о ходе рыбы против течения воды, которая кидает яркий свет на одно из самых любопытных явлений в жизни рыб, почитаемое обыкновенно загадочным и инстинктивным, которое г. Аксаков описывает в мастерской картине. Приложены политипажи, из которых некоторые превосходны.

Книга г. Н. Основского пополнена лечебником для собак, украшена хорошими литографиями и отличается спокойным, всесторонним изложением естественной истории изображенных птиц с особенными замечаниями относительно жизни их в Московской губернии, что дает возможность сравнивать их с образом жизни тех же птиц в Оренбургской губернии («Записки оренбургской ружейной охоты» г. Аксакова), Воронежской губеонии (диссертация г. Северцова), Харьковской губернии (профессора Чернова) и Киевской (Кесслера)².

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ

Апрель 1857

(Отрывок. Первоначальная редакция)

Только при взаимном ограничении полномочия каждого из членов возможен всякий союз. Но нелегко отказываться хотя бы даже от незначительной части того, чем уже привык пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности юридических прав. Пользе и необходимости взаимных уступок может научить только долгий горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено.

Затруднения, развившиеся на Западе, еще почти не существуют у нас. Историческое движение у нас еще мало касалось массы населения, и потому в ней мало поврежденным сохранился экономический быт, предшествующий историческому развитию. Поземельная собственность государства и частных землевладельцев почти вся еще находится в общественном пользовании. Пример Запада не должен быть потерян для нас. Вопрос о земледельческом быте важнейший для России, которая очень надолго останется государством по преимуществу земледельческим, так что судьба огромного большинства нашего племени долго еще — целые века — будет зависеть, как зависит теперь, от сельскохозяйственного производства.

Но того нельзя скрывать от себя, что мы живем в переходной эпохе, что Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе оставшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые начинают обнаруживать свое могущество

только при усилении экономической и торговой деятельности, начинают быстро подчиняться их силе. Скоро и мы вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции, результаты которой, если она не подчинена закону общения и братства в производстве, уже обнаружились в Англии и Франции превращением огромного большинства тех племен в людей, не обеспеченных ничем против нищеты, и образованием все расширяющейся язвы пролетариата. И мы, как западные народы, скоро почувствуем необходимость не подчиняться рабски этому закону, роковому в своей односторонности. И теперь уже обнаруживаются первые признаки того в тех отраслях экономической деятельности, где введены улучшенные способы, где большие капиталисты уже оттеснили малых*.

В настоящее время мы еще владем спасительным учреждением, в осуществлении которого западные племена начинают видеть избавление своих земледельческих классов от бедности и бездомности. Но при новой эпохе усиленного производства, в которую вступает Россия, многие из прежних экономических отношений, конечно, изменятся сообразно потребностям времени. В этих преобразованиях да не дерзнем коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашим прошедшим, прошедшим, бедность которого с избытком искупается одним этим драгоценным наследием, да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землями, — на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком.

Славянофилы знают этот урок и хотят, чтобы мы воспользовались им. Они считают общинное пользование землями существующее ныне, важнейшим залогом, необходимейшим условием благоденствия земледельческого класса. В этом случае они высоко стоят над многими из так называемых западников, которые почерпают свои убеждения в устарелых системах, принадлежащих по духу своему минувшему периоду одностороннего увлечения юридическими правами отдельной личности и необдуманно готовы восставать против нашего драгоценного обычая, как несовместного с требованиями этих систем, несостоятельность которых уже обнаружена наукой и опытом западноевропейских народов. Все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов с избытком вознаграждаются уже одним убеждением их, что общинное устройство наших сел должно остаться неприкосновенным при всех переменах в экономических отношениях.

Читатели, зная наш образ мыслей, не могут, конечно, предполагать в нас особенного расположения к тем примесям славянофильской системы, которые находятся в противоречии и с идеями, выработанными современной наукой, и с характером нашего племени. Но мы повторяем, что выше этих заблуждений есть в славянофильстве элементы здоровые, верные, заслуживающие сочувствия. И если уже должно делать выбор, то лучше славянофильство, нежели та умственная дремота, то отрицание современных убеждений, которое часто прикрывается эгидою верности западной цивилизации, причем под западной цивилизацией понимаются чаще всего системы, уже отвергнутые западной наукой, и факты, наиболее прискобные в западной действительности, — например, порабощение труда капиталу, развитие искусственных потребностей, удовлетворяемых роскошью, и т. д.

---

* Укажем один пример. На наших глазах быстро исчезает на Волге многочисленный зажиточный класс судовладельцев, уступая место нескольким заведениям пароходной перевозки товаров. Построение железных дорог, что бы ни говорили, вытеснит многочисленный и вообще пользующийся благосостоянием класс людей, промышлявших извозом по главным дорогам. Подвоз товаров к железным дорогам, что бы ни говорили, будет для них уже более тесным поприщем промысла.